

Сочиню я город

Сочиню я город
как стихотворенье.
Пусть в нем будет осень
или воскресенье.

Или, еще лучше,
то и это вместе:
воскресенье, осень,
зимних дней предвестье.

Пусть в нем будут крыши
в пестрых листьях мокрых,
словно в пятнах умбры,
сурика и охры.

Пусть над пешеходом —
каждым — лист кружится.
Будто провожает
человека птица.

«До свиданья, люди, —
машет. — До свиданья».
И стоят пустые
на проспекте зданья.

Улицы пустые,
и двory, и парки.
... Кто-то напоследок
задержался в арке,

оглянулся кратко
и исчез, растаял,
присоединившись
к человеческой стае.

До свиданья, город!
До свиданья, осень,
зимних дней предвестье,
изморози проседь.

До свиданья, каждый
лист, сухой, крученный.
Обживайте город,
мною сочиненный...

На веранде «МОЛОКО&MED»

На веранде «МОЛОКО&MED»,
может быть, и сможем отсидеться,
коль не упадет в цене сестерций.
В пирамидах газовых течет
пламя снизу вверх, и не иначе.
Тихо и спокойно, как на даче,
несмотря на то что в двух шагах
носятся туда-сюда машины.
Это потому, что камышинный
шорох влажных шин стоит в ушах.

А движение воздушных масс,
судя по крещендо листопада,
все стремительней ведет к распаду
этот вечер, приютивший нас,
этот хрупкий мир, прозрачный кокон,
теплый дачный дом без стен и окон:
свечи газа, на спиртовке чай
и слова о том, что неизбежно
все исчезнет в круговерти снежной
рано или поздно невзначай.

Караваджизм осенних дней

Караваджизм осенних дней:
чем ярче свет, тем гуще тени.
Идешь по улице — над ней
сияет Солнце, словно гений.

Когда бы не его лучи,
мы ни за что бы не постигли,
как ярки кленов кумачи,
как жарки липовые тигли,
что из глубин холодных сфер
касается травинки каждой

не кто иной, как Люцифер,
пославший людям Караваджо,

и что у света на краю,
в осеннем парке, за оградой,
тот пребывает, как в раю,
за что-то изгнанный из ада.

Осенняя любовь

Осенняя любовь... Заклеивают окна,
чтобы сберечь тепло надолго, до весны.
Из солнечных лучей простор небесный соткан,
и снятся по ночам безоблачные сны.

И день идет за днем, как путник по дороге.
Вокруг него поля, над ними синева,
и в этой синеве любви осенней боги —
беспечные стрижи, и кругом голова.

Несутся облака, проносятся над крышей,
над поздней судьбой, над ранней звездой.
И день уходит в тень и там, как будто в нише,
забытый всеми бог глядит, как чередой

уходят наши дни... Нам больше не собрать их,
беспечных юных птиц, в летящий к югу клин.
Но я тебя люблю, как сорок тысяч братьев!
И я тебя люблю, как только я один.

В Шкотово

Берег пустынный Японского моря.
Осень. Залив — полированный стол.
Йодистый воздух еще и просмолен
Кедром, напялившим драный камзол.

Осень. Сложение желтого с красным.
Тени как формулы из теорем.
Если погода не будет ненастной,
Грязь на тропинках просохнет совсем.

Иглами рыжими берег усеян —
Азбукой белок, клестов и ужей.
Зарево рощи в пространстве осеннем.
Астры китайские у гаражей.

Речитативом приборя со вздохом
Осень читает на память Басё.
Вечер как бабочка. Ночь как эпоха.
Утро как мир, где рождается всё.

Утром

Вот и все. Уходит наше лето.
Без возврата. Навсегда. Совсем.
И стоят деревья, как букеты
Желтых астр и красных хризантем.

Как водой графин, наполнен светом
Город, покидаемый тобой,
Милый гость, дурашливое лето,
Вольный ветер, шарик голубой.

Улетай же, не тяни резину,
За морями хорошо теперь.
Как на косогоре дует в спину!
Словно затворить забыли дверь.

Словно там, где шумно пили-ели,
Подбирали к сельтерской сироп,
Старый Фирс, ступая еле-еле,
Ищет нас, ушедших недотеп.

Вечером

Октябрь. Почти что середина.
Все меньше верится теплу.
Густою каплей гренадина
Стекает солнце по стеклу.

Немноголюдно в суши-баре,
Поскольку все-таки среда.
Чуть слышно credere cantare
Поет с экрана Фарада.

И возникает дух бездомности,
Тоска щемящая в груди.
Вкушая блюда «по готовности»,
Хоть до закрытия сиди.

А выйдешь, — как жирафы шеями,
Кивают тополи вдали,
И ветер воет над траншеями,
Которым труб не завезли.

Saudade

Когда меня
Отдали в солдаты
За то, что я
Тебя полюбил,
Я еще не познал saudade,
Поскольку молод был.

Молод и глуп,
Слаб духом и телом,
Во всех делах неумел.
Однако в душе
Уже что-то пело,
И я в ответ что-то пел.

И были те песни
Словно дети
На тонких и слабых ногах.
Но я их любил
Повторять не рассвете
С улыбкою на губах.

И ты приходила,
Садилась рядом.
Качалась ветка
За синим окном.
Но я еще не познал saudade.
...Мы просыпались днем.

И щелкали птицы
Мгновенья на счетах,
И был бесконечен счет.
И вновь наставало время полета,
И я отправлялся в полет.

А ты терпеливо
С тоской во взгляде
Ждала,
Когда я вернусь.
Но я еще не познал saudade,
Я думал, что это грусть.

А время катилось
Рекой полноводной
За тридцать дней и ночей.
И вдруг запнулось
О камень подводный
И превратилось в ручей.

Он тихие песни
Пел на чудесном
Простом языке своем.
И я за ним
Повторял эти песни,
А слушали мы вдвоем.

И понял я,
Что иного не надо
До самой крайней черты.
И я наконец познал saudade.
И мне улыбнулась ты...

Фаду для тебя

Любимая, смотри, какое небо!
Сияющее, в дымке голубой.
И если бы я человеком не был,
Я был бы этим небом над тобой.

Весь мир невероятный обнимая,
Как небосводу одному дано,
В объятиях своих, моя родная,
Я лишь тебя держал бы все равно.

И ты б сказала: «Я не знаю, кто ты.
Быть может, только сон в ночной тиши.
Но, как у птицы крылья для полета,
Теперь есть крылья у моей души».

Кьеркегор

А аптекарь все так же стучит своим пестиком в ступке,
судомойка скреблит котелок, конюх чистит коня
и скребок выбивает. Воркуют на крыше голубки.
Эти звуки все так же, как в детстве, волнуют меня.

И темна, и сыра моя комната в доме невзрачном.
Только музыке все нипочем, проникает она
сквозь сердечко на глухо забитом оконце чердачном
и туда, где лучу преграждает дорогу стена.

А в трактире напротив едят надоевшую семгу.
Был улов хоть куда, даже слугам пришлось попотеть.
Рыжий Вилфред с трудом ремешка распускает тесемку.
В жирных пальцах лоснится, как золото, жалкая медь.

В переулке обжорном замыганно, чадно и пыльно.
Что ж, еще один вечер отправлю в далекий чулан,
что открою в гнетущей тоске — моем замке фамильном —
тем заветным ключом, что скрипичною музыкой дан.

Между прочим

Чем случайней и проще
мы на свете живем
(словно реки и рощи,
словно туча и гром,
под окном незабудки,
под забором трава),
тем вернее поступки
и точнее слова,
ибо в том, что дорога
нас в неизвестность ведет,
виден замысел Бога,
а не чертов расчет.

Про осень

1

Проснуться в шесть, а выйти в восемь.
Во двор, сверкающий листвою.
И сразу же с разбега — в осень,
как будто в омут с головой!

Как будто ртом хватая воздух,
чтобы издать последний крик,
запомнить все, пока не поздно,
все, что исчезнет через миг.

2

Осень желтые ковры
стелет на полянах,
и туман ползет с горы
дымом из кальяна.

Золотистый на просвет,
словно мед с корицей.
И торчит, как минарет,
башня ЛЭП-130.

Как понятно все и ясно
в этой солнечной поре:
был зеленым — станет красным
клен маньчжурский во дворе.

Будет он стоять, багряный,
перед щербатой стеной,
как солдат, зажавший рану
ослабевшей пятерней.

Вот и завершился праздник осени,
оголился пригородный лес,
словно из крутой винтовки Мосина
посшибали всю листву с деревьев.

Словно, понаехав с карабинами
попугать нестреляных ворон,
зацепили бедный куст рябиновый,
расстреляли непокорный клен.

Ну что разоралось, пернатое племя,
на старой корявой ветле,
чьи голые ветви рогами оленя
торчат, как в каком-то шале?

А может, и нам, словно птицам беспечным,
так жить — без труда и забот?
А может, и впрямь, только радость и вечна,
а горе бесследно пройдет?

Растоптанные розы и гвоздики,
как сброшенные маски карнавала,
печаль, что описал Шопен великий, —
здесь жизнь дорогу смерти уступала.

Но смерть прошла, и вновь на перекрестке
движение в установленном порядке,
старушки на скамейках и подростки,
стреляющие в галок из рогатки.

Дни идут, как будто кто-то
их листает, как страницы.
И за этим поворотом
ничего не приключится.

Та же пыльная дорога,
Богом проклятая местность.
Та же — вместо эпилога —
абсолютная безвестность.

О чем гудели мне деревья
в субботу, утром, в ноябре?
О том, что лучше нет кочевья,
чем век торчать в такой дыре.

Смотреть без зависти, как птицы
парят свободно над тобой,
шуметь листвою, пока шумится,
а нет листвы, трубить отбой.

Вот так выходят на свободу,
отринув прошлое долой,
любясь синим-синим сводом
и черной-черною землей.

Вот так прощаются навеки
со всем, что в этом мире есть,
грустя о каждом человеке,
который остается здесь.

С лебяжьим пухом все в порядке —
его запас неистребим.
Последней ярмарки палатки
покрыты густо-густо им.

Он продолжает падать с неба
так, что захватывает дух.
Конечно, он зовется снегом.
И все же он — лебяжий пух.

